

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА (ДИАМП + ДАТ)

Тип сцены: Смешанный. Сначала напряжённый диалог с элементами допроса в алхимической лаборатории, затем глубокая рефлексия героя о судьбе и сюжете романа, и в финале — бытовая комедийная сцена.

Проблемные зоны:

Анатомические буквализмы: «Взгляд полумёртвый», «пот на лбу», «глаза увлажнились».

Синтаксис: Короткие, рубленые предложения в описании действий.

Терминология: Требуется чёткое соблюдение глоссария (□□□□ — Духовное пламя девяти ритмов, — Пилюля сохранения молодости).

Тон: Нужно передать переход от властного и пугающего образа Линь И к его внутреннему смятению и, наконец, к расслабленному состоянию.

—

ЭТАПЫ 2-5: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ОЧИСТКА И НАТУРАЛИЗАЦИЯ

Глава 31. Тревога

Женщина, которую Линь И видел днём в Зале Духовного Собраниа, на первый взгляд ничем не отличалась от той, что стояла перед ним сейчас. Однако присмотревшись, он заметил едва уловимую разницу.

— Днём я видел Фан Яньтин в Зале Духовного Собраниа, — заговорил Линь И. — Раз ты пришла просить лекарство с чистым сердцем, зачем прятаться за чужой личиной? Или надеялась, что эти низкопробные уловки помогут обольстить моего ученика?

Девушка замерла, ошеломлённо глядя на него.

— Чжэньжэнь говорит... что видел моё лицо в Зале Духовного Собраниа?

Под её правым глазом темнела крошечная, почти незаметная родинка-слезинка. Линь И не собирался разглядывать её столь пристально, но когда во время дневной беседы она заявила, что никогда не покидала подножия горы, он заподозрил неладное.

Линь И хранил молчание, ожидая объяснений.

— Это была... моя сестра, Фан Пинтин, — внезапно проговорила девушка. Её голос наполнился печалью, а напускное кокетство исчезло. В её нынешнем положении у неё не осталось сил для лжи. — И пилюля нужна не мне. Если Чжэньжэнь согласится исполнить мою просьбу, я надеюсь, что моя жизнь стоит этого снадобья. Пусть он передаст его сестре.

— Жизнь в обмен на пилюлю? Какая щедрость, — холодно отозвался Линь И.

Он не знал, как к этому относиться. Пилюля сохранения молодости лишь удерживает красоту, но не прибавляет ни дня к отмеренному сроку. Стоит ли отдавать саму жизнь ради мимолетного очарования другого человека?

Фан Яньтин поймала его взгляд. Она выглядела робкой и глубоко обиженной.

— Чжэньжэнь, если бы вы могли одолжить мне этот Драгоценный фолиант... На самом деле я тоже не хочу умирать.

Красно-синие отсветы пламени плясали на её бледном лице. На лбу выступила испарина. Линь И вскинул бровь — по её обречённому виду он внезапно понял: Фан Яньтин вовсе не собиралась жертвовать собой добровольно. Она просто решила, что ей не сбежать, и попыталась придать своей неминуемой гибели хоть какой-то смысл.

«Похоже, я и впрямь её напугал...» — подумал он.

Линь И поднялся и некоторое время молча смотрел на неё сверху вниз.

— Расскажи-ка мне всё по порядку. Зачем ты пошла на такой риск и пробралась в Бессмертный дворец Линсяо? Если учую хоть каплю лжи... отправлю тебя прямиком в печь.

Персонажи, вышедшие из-под его пера, в реальности оказались совсем не такими, какими он их представлял, и в Линь И проснулось любопытство. Заметив, что тон мастера смягчился, Фан Яньтин покорно выдохнула: «Слушаюсь» — и честно поведала свою историю.

Они с Фан Пинтин были двумя бутонами лотоса у подножия горы Цанлу — две души, один корень. Она была основной душой, а Пинтин — побочной. В таком существовании не было ничего хорошего.

Когда у одного корня две души, одна неизбежно поглощает больше питательных веществ, чем вторая. Это происходит неосознанно. К тому времени, когда Фан Яньтин обрела сознание, её сестра всё ещё не могла принять человеческий облик.

Впервые вкусив свободу, Яньтин в упоении странствовала по миру, не желая оставаться на месте. Тогда она даже не подозревала о существовании второй души. Вернувшись после долгих странствий, она обнаружила, что почти лишила сестру жизненных сил. Лишь благодаря

помощи проходившей мимо Старейшины Хуэйцзя угасающую Фан Пинтин удалось спасти.

Но основа уже была заложена: Пинтин не могла жить долго. «Две души, один корень» — это аномалия, и рано или поздно Яньтин неизбежно поглотила бы сестру. Таков был закон природы, не зависящий от её воли.

Чувство вины грызло Фан Яньтин. Пинтин редко о чём-то просила, но недавно она встретила человека, в которого влюбилась. Теперь, когда её дни были сочтены, она хотела лишь одного — остаться прекрасной до самого конца.

Так совпало, что Фан Яньтин слышала о Драгоценном фолианте в Бессмертном дворце Линсяо, где хранился рецепт той самой пилюли. Она пыталась пробраться во дворец, но не могла преодолеть высоту — защитные барьеры изранили её тело. И тогда она увидела Сюаньюань Куня в горячем источнике и решилась на подлость.

— Чжэньжэнь, вы разгадали мой замысел, и мне нечего сказать в своё оправдание, — понуро закончила девушка. — Я рождена небом и землёй, и моё тело действительно ценный ингредиент для алхимии. Если я отдам себя добровольно, эффект будет куда лучше, чем если вы возьмёте силой.

Она посмотрела на печь и снова едва не расплакалась. Она смотрела с отчаянием. Линь И почувствовал себя последним злодеем, похитившим невинную деву.

Вообще-то он просто хотел проучить её, чтобы она впредь не заглядывалась на его владения. Он не собирался по-настоящему варить из неё зелье. Видя, как девчонка дрожит от ужаса, он решил, что с неё хватит.

— Ладно, — бросил он. — Не собираюсь я бросать тебя в печь. Раз твоя сестра так этого хочет... Это всего лишь Драгоценный фолиант. Перепиши его и убирайся с горы.

Фан Яньтин вскинула голову, не веря своим ушам.

— Чжэньжэнь... вы хотите сказать, что я не умру?

Линь И лишь вздохнул — она явно не умела расставлять приоритеты. Взмахом рукава он отозвал яростное Духовное пламя девяти ритмов.

— Переписывай быстрее, пока я не передумал.

Огонь в печи мгновенно погас, хотя в воздухе всё ещё висел тяжёлый, обжигающий жар. Странные красно-синие отсветы больше не слепили, но девушка всё равно расплакалась. Осыпая Линь И благодарностями, она принялась торопливо строчить на бумаге.

Линь И велел ей уходить сразу, как закончит. Но поскольку Фан Яньтин не знала дороги, а искать сестру в Зале Духовного Собрания в таком виде было нельзя, он позволил ей остаться до рассвета. Утром Сюаньюань Кунь должен был проводить её к подножию.

— Чжэньжэнь, вы так добры! Я не знаю, как вас отблагодарить! — воскликнула она.

Линь И лишь усмехнулся. Дело было не в его великодушии — просто к персонажам, которых он сам когда-то создал, он невольно испытывал почти отеческую привязанность.

Оставив её одну, Линь И вышел из Павильона алхимии.

Он заложил руки за спину и поднял голову к небу. Над ним раскинулся бескрайний океан звёзд, не замутнённый ни единым облаком.

Звёзды вечно меняют свой бег, и люди тщетно пытаются разгадать в них волю небес. Но порой воля небес — это лишь результат человеческих поступков. В этом мире слишком много переменных, и Линь И понимал: нужно сеять семена добра, где только возможно. Ведь даже если ты закроешься в четырёх стенах, предначертанное всё равно случится. Он не мог контролировать чужие поступки.

Как и в случае с Фан Яньтин — то, чему суждено было произойти, произошло. И впереди его ждало ещё немало встреч, продиктованных судьбой.

Линь И нахмурился, глядя на сияющую луну. Больше всего его тревожили две великие войны, описанные в его же романе.

Первую должен был организовать сам Тяньвай-чжэньжэнь. Он вступил в тайный сговор с Повелителем демонов Ци Наньпином, выдав ему уязвимые места своих собратьев по горе Бутянь. Защитный барьер пал, и демонические заклинатели устроили кровавую резню. В итоге Тяньвай-чжэньжэнь остался единственным выжившим Почтенным на всей горе. Сюаньюань Куню тогда удалось сбежать, и эта разлука разделила их жизни на «до» и «после».

Вторая война должна была случиться годы спустя, когда Сюаньюань Кунь вернётся, чтобы отомстить. В тот день Тяньвай-чжэньжэнь решит принести в жертву всех новых учеников, чтобы поглотить их силы для битвы с бывшим подопечным. Но в разгар сражения его поразит внезапный небесный гром, и злодей обратится в пепел.

Все эти беды казались неминуемыми последствиями действий Тяньвай-чжэньжэня. Но если теперь Линь И откажется от этих планов, не примет ли история иную, не менее страшную форму?

Гарантий не было.

Он поджал губы, отгоняя тяжёлые думы. Сзади слышались лёгкие шаги.

— Чжэньжэнь, я закончила, — тихо проговорила девушка.

Линь И кивнул, не оборачиваясь. Он велел ей отдохнуть в боковом покое, а ранним утром Сюаньюань Кунь увёл гостью прочь.

Белоснежные облака катились по небу бурными волнами. Утреннее солнце заливало Бессмертный дворец Линсяо ослепительным светом, заставляя его сиять ещё ярче.

В небольшом пруду у извилистой галереи после ухода Цзинь Мэй снова плавали разноцветные рыбки. Пруд не пустовал — маленькие обитатели шумно делили корм, который рассыпал Линь И. Сам он небрежно развалился в кресле неподалёку.

Серебристо-белые полы его длинного халата рассыпались по земле, сияя в лучах солнца. Линь И наслаждался моментом. Проблемы завтрашнего дня пусть остаются завтрашнему дню, а сегодня... Он поднёс к губам чашку чая.

Вдохнув сладковатый аромат, он забыл о вчерашних тревогах. «Нужно будет попросить Лу Чжаохуа прислать побольше разных сортов на пробу», — лениво подумал он.

Линь И уже готов был сделать глоток, предвкушая блаженство, как вдруг за его спиной бесшумно вырос Сюаньюань Кунь. На мастера упала длинная тень. Ученик положил ладонь на спинку его кресла.

Линь И не обратил на это внимания, поглощённый вкусом чая.

— Учитель, — негромко позвал Сюаньюань Кунь. — Не желаете ли вместе окунуться в духовный источник?

— Кха!..

Линь И поперхнулся. Чай попал не в то горло, он мгновенно прослезился. Он закашлялся, не в силах сдержать судорожный вдох.